

УДК 342.4
ББК 67.400.2

DOI 10.22394/1682-2358-2018-5-6-15

P.A. Astafichev, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Constitutional and International Law Department, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

**REPRESENTATIVE
DEMOCRACY
IN RUSSIA:
25 YEARS UNDER
THE CONDITIONS
OF THE RUSSIAN
FEDERATION
CONSTITUTION
OF 1993**

The problems associated with the experience of functioning of representative democracy in Russia after the adoption of the Constitution of the Russian Federation of 1993 are studied. The author draws attention to three problems: the balance of powers, the relationship of professional representation and combining the deputy mandate with the basic work, and the role of political parties in popular representation.

Key words and word-combinations: popular representation, constitutional principles, separation of powers, political parties, anniversary of the Constitution of the Russian Federation.

П.А. Астафичев, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России (email: pavel-astafichev@rambler.ru)

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ
ДЕМОКРАТИЯ В РОССИИ:
25 ЛЕТ В УСЛОВИЯХ
ДЕЙСТВИЯ КОНСТИТУЦИИ РФ
1993 года**

Аннотация. Исследуются проблемы, связанные с функционированием представительной демократии в России после принятия Конституции РФ в 1993 г. Автор обращает внимание на три проблемы: баланс полномочий; соотношение профессионального представительства и совмещения депутатского мандата с основной работой; роль политических партий в народном представительстве.

Ключевые слова и словосочетания: народное представительство, конституционные принципы, разделение властей, политические партии, юбилей Конституции РФ.

Конституционализм — явление государственное и правовое. Вне государства и права рассуждения о конституционализме бессмысленны. Нельзя говорить о конституционализме, например, в семейных или корпоративных отношениях, хотя в них реализуются многие конституционные принципы и данные отношения должны отвечать требованию конституционности. Конституционализм неразрывно связан с

государством и правом. Конституционализм — это одна из форм государства и права. Конституционализм не совместим с анархизмом. Феномен конституционализма сопряжен с такими категориями, как «государство», «государственный суверенитет» и «государственная власть» [1; 2, с. 31; 3].

Мы живем не в естественном состоянии. Наша жизнь протекает в условиях государственности. Но это не означает, что государство — безусловное благо. Государственную власть можно обожествлять или, напротив, отрицать. Факт эмпирической государственной жизни не доказывает, что она необходима. Если государство — это «зло», то в долгосрочной перспективе следовало бы отказаться от государственной формы жизнедеятельности. Если же государство — «благо», то следует эту форму необходимо всецело поддерживать. Концепция конституционализма занимает своего рода промежуточную позицию: не отрицая полезность государства, она стремится его усовершенствовать посредством ряда институциональных юридических ограничений. Но конституционализм (это очень важно) *не анархичен* [4].

Конституционализму как форме государственности противостоит позиция анархизма. Анархисты отрицают государственную власть, считая государство злом. Не стоит полностью отменить эту позицию как государственно вредную, потому что анархизм имеет свою систему научной аргументации, с которой следует, как минимум, ознакомиться. Критикуя государство как институт, анархисты обосновывают мнение о вредности государственных учреждений [5]. Их аргументы могут использовать и конституционалисты, цель которых заключается в усовершенствовании государственной власти без ее всеобщего отрицания [6; 7, с. 16].

Основной аргумент анархистов состоит в генеалогии государств и сущности публичной власти. Никто точно не знает, каким именно образом государства возникли, из каких форм они произошли. Существует масса разнообразных теорий на этот счет. Бесспорно одно: первые государства были весьма похожи на некоторые, не вполне легитимные организации, целью которых являлось совсем не обеспечение «благополучия своих подданных» или гарантирование «счастья людей на этой земле». Различие между «протогосударствами» и, к примеру, незаконными вооруженными формированиями едва ощутимо. Государство — это всегда власть и принуждение. Государство по своему происхождению — далеко не гуманистический институт. Государственная власть пробивала себе дорогу силой и оружием, что нередко сопровождалось смертью тех, кто этой воле сопротивлялся. До сих пор в основе концепции государства лежит суверенитет, то есть целостная, независимая и верховная власть. Государство опирается на аппарат принуждения, включающий вооруженные силы, полицию и спецслужбы.

Государство — это социальный институт, который наряду с другими субъектами властных отношений заботится о самосохранении. В юридической науке этот феномен чаще всего характеризуют термином «государственная безопасность». Государству угрожают извне другие страны; всегда существуют антигосударственные силы внутри него. Чтобы не быть уничтоженным, государство должно этим угрозам эффективно противостоять [8, с. 19; 9]. Вооружен-

ная агрессия извне пресекается ответным применением вооруженной силы. Для предотвращения беспорядков используются полицейские или армейские подразделения. Государство официально осуществляет разведывательную и контрразведывательную деятельность. В целях противодействия преступности имеется пенитенциарная система. В странах, признающих смертную казнь, допускается целенаправленное лишение жизни особо опасных преступников по решению судебных органов уголовной юстиции. Но и в тех странах, которые отказались от института смертной казни, государственные органы при определенных обстоятельствах имеют право на применение вооруженной силы вплоть до лишения жизни отдельных людей, что юридически не является правонарушением. Это допускается в мирное время (абсолютно необходимое применение силы для защиты от противоправного насилия; законного задержания или предотвращения побега; подавления бунта или мятежа), а также в условиях войны.

Несмотря на убедительность этих доводов, важно видеть и другое: вне государственной формы организации жизнедеятельности общества последнее рискует быть повергнутым в хаотическую пучину притязаний на власть со стороны его неофициальной части, в частности бандитов, насильников, мошенников, авантюристов и т.д. Власть представляет собой ресурс, пользующийся удивительным спросом в обществе. Как только суверенный субъект от него отказывается, неизбежно появляются новые претенденты, причем для этих обновляемых отношений характерна тенденция устойчивого убывания ответственности за использование ресурса власти человека над человеком.

Будучи официальными, публичными, исторически апробированными, государства продолжают доказывать свою полезность наряду с некоторыми издержками в виде политических ошибок, перегибов, искривлений, неверных приоритетов и т.п. Но главное, они противостоят стихийным противоправным силам, наличием которых в обществе нельзя пренебрегать. Если бы гражданские общества состояли исключительно из «нравственно чистых и совершенных» индивидов, государственную власть, пожалуй, действительно следовало бы отрицать как неоправданное и чрезмерное вмешательство в гражданские свободы. Но здоровый прагматизм в совокупности с имеющимися эмпирическими данными подсказывают, что это, увы, совершенно не так. Вследствие несовершенства человеческой природы, а также недостатков в воспитании и социальной культуре современным обществам однозначно нужны государства. В современном, цивилизованном мире они должны соответствовать общепризнанным критериям демократичности и конституционности [10; 11].

В декабре 2018 г. действующей Конституции РФ исполняется 25 лет. Конституция не ускорила ход истории, продолжительность ее действия не является доказательством дальности пройденного ею пути. Однако условия, в которых принималась Конституция РФ, были иными по сравнению с современным этапом развития отечественной государственности. В свою очередь, в 1993 г. было невозможно предвидеть эмпирические обстоятельства, при которых будет функционировать российский конституционализм 2018 г. В 1993 г. не только не было крупных проявлений «враждебности» к западной политической куль-

туре, она преимущественно культивировалась, законодатель в значительной степени стремился к преодолению противоборства «западничества» и «славянофильства». Царящие умонастроения были направлены в пользу учреждения высших и универсальных принципов конституционной юриспруденции. Оптимистические иллюзии поддерживались растущими возможностями конституционного правосудия обеспечивать действительно верховенствующее положение Конституции в демократическом обществе. Доказательств тому немало: мораторий на смертную казнь, судебный порядок принятия решения о содержании под стражей на срок свыше двух суток, исключительно законодательная форма введения налогов и сборов и т.д. Все это появилось и утвердилось в правовой системе России благодаря Конституции РФ 1993 г. и практике Конституционного Суда РФ.

Современный российский конституционализм характеризуется определенным смещением в иерархии ценностей, однако подобное «смещение» не следует считать «коренным». Мы не отказались от демократии, верховенства прав человека, гуманизма и справедливости [12, с. 4]. Достижения Конституции РФ 1993 г. сохраняются и продолжают действовать. Возможно, россияне на некоторое время перестали их ценить и стали в них немного сомневаться. Этому способствует обнаружившийся культ патриотизма [13; 14] и сопутствующее ему ослабление универсализма в конституционном праве. Однако в российском обществе достигнуто взаимное уважение власти и народа, что обеспечивается «западными» инструментами выборов и санкционируемого гражданами народного представительства. Партийно-тоталитарное государство реанимировать невозможно, да к этому никто и не стремится. Граждане в целом солидарны с целями государства и права, что поддерживает демократический конституционный строй. В связи с этим, надо полагать, что конституционализм как таковой прочно утверждается в российском обществе, по крайней мере, в долгосрочной перспективе.

Будучи институтом демократического конституционного строя, представительная демократия в течение последних 25 лет развивалась не менее сложно и противоречиво, чем сам конституционный строй. Это движение можно охарактеризовать с помощью анализа действия принципов народного представительства, причем не только «классических» (всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании), но и более «современных», потому изменчивых, прочно не устоявшихся [15, с. 11]. В их числе, во-первых, баланс полномочий, во-вторых, профессионализм, в-третьих, партийность.

В 1993 г. наблюдалось противостояние «представительной» (Р.И. Хасбулатов) и «исполнительной» (Б.Н. Ельцин) власти, закончившееся декабрьской конституционной реформой. Результаты референдума о доверии власти и необходимости досрочного прекращения полномочий Президента и депутатов Верховного Совета были истолкованы каждой из ветвей власти в свою пользу [16, с. 172]. Парламент в известной мере «поддержал» Конституционный Суд РФ. Затем «победа» исполнительной власти, которая выразилась, в числе прочего, в итогах референдума о принятии действующей Конституции РФ, казалось бы, должна была привести к системному и долгосрочному отступлению

от принципа баланса властных полномочий законодательной и исполнительной ветвей власти. Но эта, если так можно выразиться, «победа» исполнительной власти была «правовой» и не может быть названа, по удачному выражению И.А. Ильина, «хищнической» [17, с. 463–467]. Стремление к солидарности оказалось сильнее, чем раскол и вражда. Были учреждены Совет Федерации и Государственная Дума, которые достаточно активно «включились» в усиленную законотворческую деятельность, избегая тем самым политического демарша против Президента РФ и осуществляемой им политики. Те же явления распространились на уровень субъектов РФ, где стало разрешенным региональное законотворчество. Вместо обсуждения излюбленного вопроса «за белых или за красных» депутаты переключили внимание на процесс законодательного регулирования общественных отношений. В отсутствие Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» конституциям и уставам субъектов РФ отводилась значительная регулятивная роль. В некоторых субъектах РФ учреждались конституционные или уставные суды. Все это демонстрировало развитие полномочий органов народного представительства [18], несмотря на итоги политического противостояния системы этих органов с исполнительной властью в 1993 г.

Конечно, принцип баланса полномочий заметно игнорировался вследствие ограниченности контрольных полномочий народного представительства. Для российского конституционалиста до сих пор термины «парламентское расследование», «интерпелляция» или «вотум недоверия» выглядят скорее как «западные», чем «отечественные» [19]. Счетная палата и Уполномоченный по правам человека не воспринимаются как инструменты парламентского контроля (их позиционируют в качестве «самостоятельных» органов в системе разделения властей). Однако сегодня с уверенностью можно утверждать, что институт контроля народного представительства успешно развивается в субъектах РФ, а в муниципальных образованиях он функционирует даже с некоторым «перебором» в ущерб самостоятельности всенародно избранных глав муниципальных образований [20]. На федеральном уровне, пусть и довольно осторожно, полномочия палат парламента выравниваются вследствие конституционных поправок о подотчетности Правительства РФ Государственной Думе, а также законодательного решения об учреждении института парламентского расследования [21]. Таким образом, принцип баланса полномочий в системе разделения властей так или иначе соблюдается, хотя поиск путей его оптимизации в современной России продолжается.

Конституционный принцип «профессиональной» депутатской деятельности в течение последних 25 лет продемонстрировал более противоречивую картину развития. Напомним, что советская школа государственоведения особенно активно настаивала на таком преимуществе советского народного представительства, как совмещение депутатской деятельности с основной работой или службой народных избранников. Считалось, что таким образом депутаты лучше осведомлены о текущих проблемах народной жизни, обсуждают государственные и местные вопросы в трудовых коллективах, советуются с изби-

рателями, получают от них формальные и неформальные наказания [22, с. 11]. Буржуазный подход к профессиональному представительству единодушно критиковался как вредный и неприемлемый для советского строя.

Постсоветский конституционализм первоначально «подхватил» идею профессионального представительства как новую и перспективную. Но с течением времени она стала оцениваться критически, даже скептически. В числе прочего обнаружилось, что депутатская деятельность — это особый вид государственной деятельности, который нуждается в теоретико-методологических разработках, требует институционализации в системе высшего образования и, что особенно важно, внутреннего стремления народного представителя к просвещению и парламентской культуре. Для профессиональной депутатской деятельности мало просто встречаться с избирателями, проводить собрания, агитировать на митингах, выступать в прениях и парламентских дебатах. Нужен ответственный и аналитический подход к осмыслению тенденций развития государства и права, собственное видение приоритетов в законодательной политике, глубокое понимание политических явлений и процессов, происходящих в стране и в мире [23].

Профессиональное представительство порождает и ряд других проблем. Депутатам нужно, что называется, «ходить на работу», а это требует соблюдения ряда принципов и норм трудового права в отсутствие дисциплинирующих механизмов во взаимоотношениях работника и работодателя в системе народного представительства. Уволить депутата как народного избранника по основанию нарушения им «трудовой дисциплины» весьма проблематично. Сложно даже обеспечить фактическое участие депутата в заседании органа народного представительства, так как народный избранник может быть в это время «занят» более важными «делами» с его точки зрения. Ответственность перед народом в ходе очередных выборов — слишком призрачный и отдаленный стимул правомерного поведения, который может быть полностью проигнорирован в случае отсутствия желания действующего депутата баллотироваться на новый срок.

Профессиональное представительство рождает в среде депутатов особую озабоченность по вопросу льгот и привилегий [24; 25], включая денежное содержание, вспомогательный аппарат гражданских служащих, служебные автомобили, дополнительное пенсионное обеспечение и так называемые «золотые парашюты», которые «раскрывает» бюджетная система при вынужденном увольнении народных представителей в связи с их «неизбранием» на новый срок. Практически каждый из названных институтов в течение последних 25 лет так или иначе затрагивался практикой конституционного правосудия, что неоспоримо свидетельствует об актуальности проблемы. Конечно, теми же льготами и привилегиями пользуются соответствующие их рангу чиновники исполнительной власти. Но это считается как бы соответствующим естественному порядку вещей, чего не скажешь о народном представительстве как институте конституционной демократии.

На федеральном уровне представительство стало профессиональным сразу по итогам конституционной реформы 1993 г. В субъектах Федерации оно

сочеталось с «непрофессиональным», в муниципальных образованиях сохранялось как «непрофессиональное» по преимуществу. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» даже установил квоту на места в представительном органе, которые могут замещаться на постоянной основе. Это, в свою очередь, породило проблему обеспечения равенства депутатов, работающих на профессиональной постоянной основе, и народных представителей, которые совмещают депутатскую деятельность с основным местом работы или службы.

Их равенство в правах на внесение законопроектов, постановку вопросов на обсуждение, выступление в прениях и участие в голосовании никак не сопоставилось. Главную озабоченность вызывал вопрос о денежном содержании, вспомогательном аппарате гражданских служащих, служебных автомобилях, дополнительном пенсионном обеспечении и компенсации при увольнении. Кроме того, в представительном органе возможна своя внутренняя иерархия должностей (кроме «рядовых» депутатов — председатель и заместители председателя органа, председатели и заместители председателей комитетов, комиссий, фракций и депутатских групп). Должен ли законодатель дифференцировать правовое регулирование с учетом этих факторов? Или народные представители должны быть равными в своем правовом статусе вне зависимости от указанных обстоятельств?

Еще одной проблемой конституционного развития представительной демократии в России в течение последних 25 лет стал вопрос о соотношении «партийного» и «внепартийного» представительства. В 1993 г. «mainstream» общественного мнения продемонстрировал еще остатки течения «против» КПСС и ее «монопольного» положения как «руководящей и направляющей силы» советского общества [26, с. 11]. В связи с этим в Конституции РФ почти ничего не сказано о партиях и их роли в народном представительстве. Однако опыт «совершенно беспартийного» представительства с неограниченной политической конкуренцией довольно быстро вызвал к жизни стремление законодателя к партийной институционализации [27].

В конечном итоге эта тенденция затронула даже представительство на уровне муниципальных образований, где партийный критерий является наиболее спорным и, как следствие, в наименьшей степени предпочтительным [28].

Этому способствовало ограничение права объединений граждан на выдвижение кандидатов. Сначала правом избирательного объединения пользовались все общественные объединения, затем — только политические общественные объединения, далее (исключая местные выборы) — лишь политические партии. На определенном этапе сбор подписей избирателей требовался для всех кандидатов, что сопровождалось беспрецедентной практикой избирательных комиссий по проверке и выбраковке подписей граждан по надуманным основаниям и завышенным требованиям к их оформлению, что всецело поддерживалось практикой судов общей юрисдикции. Чтобы избежать этого, законодатель ввел институт избирательного залога. Через некоторое время залог был упразднен. Партии, получившие представительство в парламенте,

освобождались от необходимости сбора подписей в поддержку выдвижения кандидатов, чем партийное строительство было окончательно стимулировано и упорядочено в избирательной системе России. Независимые кандидаты по-прежнему несут обязанность сбора подписей избирателей в поддержку выдвижения на общих основаниях.

Другим важным фактором активизации партийного строительства после конституционной реформы 1993 г. стала пропорциональная формула представительства, которая сочеталась или даже не сочеталась с мажоритарной системой, но полностью ее заменяла. Субъекты РФ и муниципальные образования внедряли пропорциональную систему довольно неохотно, в связи с чем потребовались соответствующие поправки в федеральное законодательство. Государственная Дума с начала своего функционирования сочетала пропорциональное и мажоритарное представительство, к чему была вынуждена вернуться после кратковременного опыта использования только пропорциональной избирательной системы без баллотировки кандидатов в мажоритарных избирательных округах.

Несмотря на все это, в России в течение 25 лет после принятия Конституции РФ 1993 г. пока не сложилась устойчивая модель мирного соперничества крупных политических партий, которые поочередно одерживали бы «победу» или «поражение» в ходе очередных парламентских выборов, чем обеспечивали бы ротацию власти, учет меняющихся предпочтений избирателей, демократичность конституционного строя в целом в результате смены правящей и оппозиционной политических сил [29].

Полагаем, что это задача ближайшего будущего. Без ее конструктивного разрешения дальнейшее развитие российского конституционализма выглядит весьма бесперспективным.

Народ как носитель суверенитета и единственный источник власти имеет ряд общих потребностей и интересов (мир, безопасность, экономическое благосостояние и т.д.), но никогда не был и не будет способным к формированию и выражению унифицированного общественного мнения. В демократическом обществе это проявляется особенно ярко. В народной среде складываются различные точки зрения, взгляды, подходы к решению политических проблем, которые меняются с течением времени и под влиянием политических событий. В условиях авторитарного, не конституционного правления разнообразие политических взглядов в обществе может быть заблокировано или подавлено, однако это не уничтожает его в принципе. Политически ангажированные СМИ, политическая пропаганда и агитация способны к определенному манипулированию общественным мнением, но данный институт также не может полностью унифицировать политические взгляды и предпочтения в народной среде.

Доктрина конституционализма не просто поддерживает эту точку зрения. Конституционализм стимулирует политическое многообразие и многопартийность [30, с. 234; 31; 32]. В обществе не может быть одной партии, одной идеологии, одного «истинно верного» пути дальнейшего развития. Конституционализм требует наличия ряда крупных политических партий или других

политических организаций, которые мирно соперничают друг с другом в ходе избирательных кампаний и парламентских дебатов.

Библиографический список

1. *Авакьян С.А.* Конституционализм и публичная власть: концепции и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 27–30.
2. *Эбзеев Б.С.* Конституции Российской Федерации – 20 лет: государство, демократия, личность сквозь призму практического конституционализма // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6.
3. *Князев С.Д.* Стабильность Конституции и ее значение для современного российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 4–12.
4. *Кабышев В.Т.* Российский конституционализм на рубеже тысячелетий // Правоведение. 2001. № 4. С. 61–70.
5. *Мамут Л.С.* Критика политической идеологии анархизма // Советское государство и право. 1971. № 5. С. 42–52.
6. *Королева Л.Г.* Тема свободы личности в русском анархизме // Учебные записки РОСИ: Проблемы социально-гуманитарных дисциплин. Вып. 10. Курск, 2002. С. 3–21.
7. *Сухова А.В.* Анархизм в политико-правовой теории Н. Бердяева и в современности // Проблемы развития правовой системы современной России. Курган, 2009.
8. *Аврутин Ю.Е.* Избранные труды. О государстве и государственной власти, законности и правопорядке, публичном управлении и административном праве. СПб., 2017.
9. *Грипп Э.Х., Патрикеев В.Е., Яхина Ю.Х.* О некоторых аспектах деятельности органов внутренних дел в условиях чрезвычайных обстоятельств // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3. С. 38–41.
10. *Тойбнер Г.* Контуры конституционной социологии: преодоление исключительности государственного конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1. С. 41–55.
11. *Андреева Г.Н.* Об истоках российского конституционализма и о месте России в мировых конституционных процессах // Lex Russica. 2016. № 3. С. 22–34.
12. *Ескина Л.Б.* Конституция России: стабильность и развитие // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 5.
13. *Нырков Н.В.* Социокультурный подход к национальной идее, отечеству, патриотизму // Общество и право. 2014. № 1. С. 247–250.
14. *Артишев А.М., Маишекуаишева М.Х.* Спекулятивный экстремизм или ложный патриотизм // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2014. № 5. С. 81–83.
15. *Чимаров Н.С.* Проблемы реализации правовых избирательных стандартов новых технологий голосования в Российской Федерации и зарубежных странах: конституционно-правовое исследование: автореф. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017.
16. *Комаровский В.С.* Апрельский референдум 1993 г.: пропаганда и результат // Технология и организация выборных кампаний: зарубежный и отечественный опыт. М., 1993.
17. *Ильин И.А.* Сильная власть. Русская идея. М., 2017.
18. *Тихомиров Ю.А.* Соотношение федерального законодательства и законодательства области как субъекта Российской Федерации // Законы области как субъекта Российской Федерации. Воронеж, 1996. С. 14–20.
19. *Волчкова Н.Н.* Парламентский контроль в зарубежных странах и возможности его использования в современной России // Современное общество и право. 2013. № 1. С. 96–103.
20. *Астафичев П.А.* Удаление главы муниципального образования в отставку как институт муниципального права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3. С. 35–38.

21. О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации: Федер. закон от 27 дек. 2005 г. с послед. изм. // СЗ РФ. 2006. № 1. Ст. 7; 2013. № 19. Ст. 2315.
22. *Масленников В.А.* Полномочия трудовых коллективов в подготовке и проведении выборов народных депутатов // Советское государство и право. 1989. № 9.
23. *Акимова Е.Я.* Правовые аспекты совмещения депутатского мандата и внепарламентской деятельности в Германии и Австрии // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 3. С. 33–38.
24. *Ромашкова Е.М.* Гарантии и льготы, предоставляемые депутатам законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2000. № 2. С. 25–32.
25. *Преснов И.Н., Стрелюхов А.В.* Социальные гарантии депутата Государственной Думы (индемнитет) // Социальное и пенсионное право. 2006. № 3. С. 2–7.
26. *Авакьян С.А.* Многопартийность и выборы: актуальные конституционно-правовые проблемы // Гражданин. Выборы. Власть: материалы III Международной научно-практической конференции. Пятигорск, 10–11 нояб. 2016 г. / отв. ред. Л.А. Тхабисимова. Пятигорск, 2016.
27. *Гуторова А.Н.* Принцип политической конкуренции как основа взаимодействия политических партий в демократическом государстве // Международная научно-практическая конференция, посвященная 20-летию Конституции Российской Федерации, г. Кемерово, 12 дек. 2013 г.: материалы докладов и выступлений. Кемерово, 2014. С. 73–76.
28. *Оффердал А.* Местное представительство: на примере мэров Словакии и Чехии // Центр. Регионы. Местное самоуправление: к новой концепции взаимоотношений (Россия и зарубежный опыт). М., 2000. С. 69–74.
29. *Астафичев П.А.* Демократия как основа доктрины конституционализма и конституционного строя современного государства // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 19–23.
30. *Лапаева В.В.* Право и многопартийность в современной России. М., 1999.
31. *Шахрай С.М.* Многопартийность в 1990-х годах. Парламент. Конституционный Суд Российской Федерации // Политические партии в демократическом обществе: правовые основы организации и деятельности: материалы международной конференции. М., 2013. С. 151–160.
32. *Володина С.В.* Идеологическое многообразие и многопартийность в системе основ конституционного строя России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 3. С. 209–212.